



ЛИББА БРЭЙ



ЛИББА БРЭЙ

П Р О Р О К И



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Libba Bray
The DIVINERS

*Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Varor International, Inc. и Nova Littera SIA*

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Брэй, Либба.

Б89 Пророки: роман / Либба Брэй; пер. с английского Ю. Ершовой. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 640 с. — (Невидимый город)

ISBN 978-5-17-101716-3

Эви, приехавшая в роскошный Нью-Йорк из скучного провинциального городка, грезит о покорении «столицы мира». Но дядюшка Уильям, опекун Эви, может помешать осуществлению амбициозных планов. Он эксцентричен, увлекается оккультизмом, и его поведение начинает казаться все более странным, когда в городе находят зверски убитую девушку с загадочным символом на груди. Полиция не может раскрыть дело, и Эви понимает, что ее необычные возможности могут способствовать поимке маньяка. Если только он не доберется до нее первым...

УДК 821.-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101716-3

Text copyright © Martha E. Bray, 2012
© Ю. Ершова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Дорогой маме, Нэнси Брэй,
привившей мне любовь к чтению*

*...и что за зверь косматый там бредет
в сужденный час родиться в Вифлееме?¹*

*«Второе пришествие»,
Уильям Батлер Йейтс*

¹ Перевод Анны Блейз.

Глава 1

Вечер в конце лета

В доме по модному адресу Манхэттен, Верхний Ист-Сайд горят все огни. В разгаре последняя вечеринка этого лета. На террасе с видом на раскаленный абрис Манхэттена оркестр наслаждается долгожданной передышкой. Время близится к полуночи. Гости здесь с восьми часов вечера, и многие уже скучают. Юные модные дебитантки в шифоновых платьях пастельных оттенков растеклись в кожаных креслах, будто птифуры, чья глазурь тихо плавится под лучами июльского солнца. Какой-то задавака-второкурсник из Принстона подбивает приятелей ехать с ним в Гринвич-Виллидж, в подпольный бар, о котором давеча рассказывал друг его друга.

Хозяйка вечеринки, хорошенькая избалованная штучка, с тревогой наблюдает, как портятся ее гости. Сегодня ей исполнилось восемнадцать, и если она немедленно не придумает, как поднять эту вечеринку из мертвых, все еще долго будут судачить, что у нее было уныло, как на церковном собрании.

Поднять из мертвых...

В прошлые выходные ей пришлось тащиться с мамой в антикварную лавку — жуткая скучища, пока они не наткнулись на старую доску Уиджа¹. Доски Уиджа — это же самый писк; медиумы толкуют, что

¹ Доска Уиджа — планшетка для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами от 1 до 10 и словами «да» и «нет».

с помощью такой «говорящей доски мистера Фалда»¹ можно получать послания и предупреждения с того света. Конечно, продавец тут же принялся заливать матушке, при каких загадочных обстоятельствах она ему досталась.

— Говорят, в ней до сих пор обитают неупокоенные души. Но может быть, вам с сестрой удастся их укротить? — заявил он, рискуя переборщить с лестью.

Тем не менее мама заглотила наживку и выложила кругленькую сумму, переплатив как минимум вдвое. Ну что ж, теперь потраченные деньги точно не пропадут зря.

Хозяйка быстрым шагом направляется в холл и подзывает горничную.

— Будь лапочкой, принеси мне ту штуку.

Служанка вручает ей доску, подозрительно качая головой.

— Не стоит вам со всем этим путаться, мисс...

— Не глупи. Это просто примитивные предрассудки.

Сжимая в руках доску, хозяйка влетает назад, в чинную гостиную с эффектным пируэтом, достойным Клары Боу².

— Кто хочет пообщаться с духами? — хихикает она, всей собой показывая, что ни разу не воспринимает за тею всерьез.

В конце концов, она же современная девушка, флапперша³ до мозга костей.

Ее приунывшие подружки тут же вскакивают с кресел.

¹ Мистер Уильям Фалд (1870—1927) — бизнесмен и изобретатель из Балтимора, в 90-е гг. XIX века начавший производить доски Уиджа. Он никогда не утверждал, что сам их изобрел, но пресса, конечно, знала лучше.

² Клара Боу (1905—1965) — американская актриса, звезда немого кино 1920-х годов.

³ Флапперша — прозвище эмансипированной молодой девушки, олицетворяющей поколение свободных 1920-х.

— Что там у тебя? Неужели спиритическая доска? — спрашивает одна.

— Правда прелесть? Мама купила ее специально для меня. Говорят, в ней живут духи, — смеется юная хозяйка. — Но я, естественно, в это не верю.

Она ставит в центр доски планшетку в форме сердца.

— Ну что, давайте наколдуем себе что-нибудь веселое?

Все собираются вокруг.. Джордж внезапно оказывается совсем рядом с ней. Он учится в Йеле, на первом курсе. Как много ночей она лежала без сна, представляя себе их совместное будущее...

— Кто хочет начать? — вопрошает хозяйка, и ее пальцы на планшетке почти встречаются с его.

— Я, — заявляет какой-то парень в нелепой феске.

Как его зовут, она не помнит, но слышала, что он имеет обыкновение приглашать девушек потискаться к себе на заднее сиденье. Гость закрывает глаза и касается пальцами бегунка.

— Вопрос века: правда ли, что юная леди справа безумно в меня влюблена?

Девчонки взвизгивают, парни смеются, а планшетка медленно выписывает: «Д-А».

— Врешь! — возмущенно кричит искомая леди в ясный стеклянный глазок оракула.

— Не борись с собой, милая. Я буду твоей и не задорого, — возражает на это парень.

Обстановка накаляется, вопросы становятся смелее. Молодежь опьянела от джина, веселья и этой глупой игрушки с предсказаниями. *Что ни ночь, что ни день, разве нам не динь-дилень?*¹

— А давайте вызовем настоящего, всамделишного духа? — подначивает Джордж.

¹ Строка из популярного в 1920-х фокстрота «Ain't we got fun?».

В животе у хозяйки волнение и страх сплетаются в тугой узел. Именно об этом предупреждал продавец в антикварном магазине. Он говорил, что вызванного духа обязательно следует потом отпустить, разорвав связь и как следует попросившись. Но ему-то явно только того и надо, что содрать побольше денег... и потом, на дворе все-таки 1926 год — кто станет верить в духов и гоблинов, когда кругом автомобили, самолеты, «Коттон-клуб» и люди вроде Джейка Марлоу, способные превратить Америку в индустриальную сверхдержаву?

— Только не говори, что боишься! — ухмыляется Джордж.

Какой у него жестокий рот... но от этого он лишь кажется еще желаннее.

— Боюсь чего?

— Что у нас кончится джин! — острит парень в феске, и все принимаются хохотать.

— Со мной ты в безопасности, — тихонько шепчет Джордж ей на ушко; его рука уже у нее на талии.

Нет, это, без сомнения, счастливейшая ночь от начала времен!

— Мы призываем духа этой доски откликнуться на наш зов и открыть нам нашу истинную судьбу! — торжественно возглашает хозяйка; пафос немного портят хихиканья. — Повинуйся, о дух!

Целую секунду ничего не происходит, а потом планшетка вдруг оживает и начинает медленно ползти по исцарапанной доске вдоль черных готических букв, складывая их в слово.

«П-Р-И-В-Е-Т».

— Никак дух пожаловал! — саркастически замечает кто-то.

— Как твое имя, о великий дух? — обращается к нему хозяйка.

Планшетка пляшет быстрее.

«С-Т-Р-А-Ш-Н-Ы-Й-Д-Ж-О-Н».

Джордж лукаво приподнимает бровь:

— Мне нравится. И чем же ты так страшен, приятель?

«С-К-О-Р-О-У-З-Н-А-Е-Ш-Ь».

— Что узнаю? Куда ты гнешь, страшила?

Планшетка молчит.

— Хочу танцевать! Поехали в центр, в «Лунный свет», — лепечет одна из девушек, пухлогубая и уже совсем пьяная. — И когда, интересно, вернутся музыканты?

— Через минуту, не сходи с ума, — успокаивает ее хозяйка со смешком и улыбкой, в которых, однако, затаилась тревога. — Давайте попробуем другой вопрос. У тебя есть какое-нибудь пророчество для нас, Страшный Джон? Предскажешь нам судьбу? — она искоса взглядывает на Джорджа.

Планшетка не движется с места.

— Скажи нам что-нибудь еще, а?

И доска, наконец, оживает.

— Я... научу... вас... страху... — вслух читает хозяйка.

— Напомнил мне директора из моей старой школы, — поддразнивает парень в феске. — И как ты это сделаешь, приятель?

«В-С-Т-А-Н-У-У-Д-В-Е-Р-И-И-П-О-С-Т-У-Ч-У...»

«И-Б-О-Я-Е-С-М-Ь-З-В-Е-Р-Ь...»

«З-М-И-Й-Д-Р-Е-В-Н-И-Й...»

— Это еще что такое? — шепчет пьяная девица, отступая назад.

— Да ничего, просто вздор, — бросает хозяйка, но и ей тоже уже не по себе.

Она резко оборачивается к бедокуру в феске.

— Это ведь ты двигал планшетку!

— Вовсе нет, клянусь! — он наивным детским жестом крестит сердце.

— Почему ты здесь, приятель? — спрашивает доску Джордж.

Планшетка мечется так быстро, что они едва за ней поспевают.

«В-Р-У-К-А-Х-М-О-И-Х-К-Л-Ю-Ч-И-О-Т-С-М-Е-Р-Т-И-И-А-Д-А».

«Г-Н-Е-В-Г-Р-Я-Д-Е-Т-А-Р-М-А-Г-Е-Д-Д-О-Н-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-А-В-А-В-И-Л-О-Н-С-К-А-Я».

— Сейчас же прекрати это! — кричит в голос хозяйка.

«Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-А-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-А-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-А», — надрывается планшетка.

Золотая молодежь отдергивает руки прочь, но планшетка пляшет сама.

— Остановите ее! Остановите ее! — визжит одна из девиц, и даже прожженные мальчишки бледнеют и испуганно пятятся назад.

— Прекрати, дух! Я сказала, прекрати сейчас же! — кричит хозяйка.

Планшетка замирает. Гости с ужасом глядят друг на друга. В соседней комнате джаз-бэнд возвращается после перерыва и принимается наяривать зажигательный танец.

— Аллилуйя! Пойдем, детка. Я покажу тебе, как танцуют «блэк-боттом»¹, — пьяная девица с трудом поднимается на ноги и увлекает за собой парня в феске.

— Куда вы, подождите! Мы еще должны вывести на доске «прощай» — так гласит ритуал! — молит хозяйка в спину покидающим ее гостям.

Джордж обвивает рукой ее талию.

— Только не говори мне, что испугалась Страшного Джона...

— Но мне...

— Ты же знаешь, что это наш приятель нахулиганил, — дыхание Джорджа приятно щекочет ей ухо. — У таких, как он, свои штучки, сама понимаешь.

¹ «Блэк-боттом» — танец афроамериканского происхождения, популярный в 1920-х.

Конечно, она все понимает. Это все шуточки того негодая, держит их всех за дураков — но ее-то уж никому не обдурить. Ей ведь уже целых восемнадцать, и впереди у нее нескончаемый вихрь танцев и вечеринок. *Что ни ночь, что ни день — разве нам не динь-дилень?* Все ее прежние страхи пошли баиньки, вечеринка теперь наверняка будет бесчинствовать до утра. Ковры скатаны в рулоны, гости пляшут вовсю. Длинные нити жемчуга так и прыгают по платьям с низкой талией; каблуки дерзко стучат в доски пола. Руки взлетают, колотят воздух — будто ожила картина бешеного дадаиста¹.

Хозяйка вечеринки сует Уиджу в шкаф, где о ней скоро все позабудут, рысцой бежит в гостиную, купающуюся в электрическом сиянии — последнее чудо мистера Эдисона — и беспечно ныряет в последнюю вечеринку уходящего лета.

Снаружи ветер мгновение медлит у ярко освещенных окон и тут же яростным порывом кидается прочь, метя по тротуарам... Накоротко обвивается вокруг шляпок-клош двух модных молодых леди, что сплетничают о трагической гибели Рудольфа Валентино², попутно выгуливая пуделя вдоль Ист-ривер, и летит дальше, по утонувшим в неоновом свете каньонам, перепрыгивает поезд надземки, громыхающий над Второй авеню, дребезжит стеклами в окнах бедняг, пытающихся урвать немного сна у грядущего утра с его клаксонами, трамваями и поездами... а на Юнион-сквер чистильщики полируют ботинки бизнесменов, и на Таймс-сквер газетчики выкрикивают дневные заголовки, и телефони-сточки устремляют вождедеющий взор на пальто с шалевым воротником, обольщающие их из магазинной

¹ Дадаизм (1916—1922) — авангардистское течение в живописи, литературе, театре и кино.

² Рудольф Валентино (1895—1926) — американский актер и секс-символ эпохи немого кино.

витрины, и царственные небоскребы вздымаются надо всем этим, будто боги из стекла, кирпича и блистающей стали.

Некоторое время ветер прохлаждается у входа в джаз-клуб, слушая, как эта новая музыка пунктирует ночь. Он дивится вою духовых, отрывистым руладам клавишных, рожденных на пару рэгтаймом и блюзом, ритмичным синкопам, вторящим зубчатой суматохе городского горизонта.

На Боуэри, в вычурном острове некогда пышного водевиля, кое-как плетется танцевальный марафон. Конкурсанты — молоденькие девочки и их парни — пытаются перещеголять друг друга в твердой решимости отличиться, хоть как-то выстоять под напором мечты, что так щедро продают им газетная реклама и радио. Пятки у них в волдырях, зато глаза сияют звездами. Еще дальше в город Великий Белый Путь, прозванный так за слепящий накал театральных огней, извергает зрителей в ночь. В переулках, у служебных дверей мнутся поклонники, надеясь, что промелькнет мимо гламурная хористка или одна из бродвейских звезд, которым несть числа, вдруг одарит их автографом. Нынче время знаменитостей, славы и удачи, вовремя схваченной за хвост; молодежь так и пылает тайными амбициями.

Ветер взирает на все это с безразличием. В конце концов, он всего только ветер. Не бывать ему ни радиозвездой, ни индустриальным воротилой. Ему нет нужды искать себе работу, баллотироваться на выборах, влюбляться в Дугласа Фэрбенкса¹, распевать песенки с Улицы Жестяных Сковородок² — песни неутоленных желаний, тоски и добрых времен (...разве нам не

¹ Один из самых знаменитых американских актеров эпохи немого кино.

² Tin Pan Alley (англ.) — «Улица Жестяных Сковородок» (или «жестяных кастрюль») — собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии.

диль-диль?). А потому он спешит дальше, мимо ското-
боен Четырнадцатой улицы, мимо несчастных, торгую-
щих собой в темных переулках. А неподалеку Госпожа
Свобода вздымает свой факел над гаванью, озаряя путь
всем, кто стремится к этим берегам, спасаясь от гонен-
ний, от голода и отчаяния.

Ибо это страна мечты.

Ветер летит над многоквартирными домами на Ор-
чард-стрит, где какие-то из этих звездноглазых мечта-
ний уже отдали богу душу — зато им на смену народи-
лись другие, новые и не ведающие, что здесь их ждет
только мерзость запустения и нищета, и путь вверх,
вверх, вверх... Он хлопает бельем, сушащимся на ве-
ревках между домами, над грязной, щербатой улицей,
где даже в этот поздний час дети прочесывают мусор-
ные баки в поисках хоть чего-нибудь съедобного.

Ветер был всегда. Он повидал почти всю эту стра-
ну — край мечтаний и мыльной рекламы, старых ужасов
и кровопролитья. Он безмолвно взирал, как жгли здеш-
них ведьм, и самолично прошел Дорогой Слез. Он ви-
дел, как невольничьи корабли извергали в портах свой
живой груз, моргающий, перепуганный, чье единствен-
ное имущество — боль, и уж ее-то они не утратят вовек.
Ветер был рядом, когда президент Линкольн пал от пу-
ли убийцы. Он пах порохом при Энтитэме¹. Он мчался
с бизонами наперегонки и трогал несмелыми пальцами
высокие черные хижины первых пуритан. Он подхваты-
вал крики любви и осушал слезы до соляных дорожек на
большем количестве лиц, чем умел сосчитать.

Ветер мчится дальше по Боуэри и вылетает в Вест-
сайд, обителище ирландских банд вроде «Чучел», скачу-
щих верхами по Девятой авеню на стреме у бутлегеров.
Он как следует размахивается над могучим Гудзоном

¹ Битва при Энтитеме — крупное сражение Гражданской
войны, состоялось 17 сентября 1862 г.